УДК 398.3
ББК 63.52

Можно ли назвать хасидского цадика юродивым? (восприятие Рыбницкого ребе в СССР)

Мария Михайловна Каспина

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Доцент, кандидат филологических наук

ORCID: 0000-0003-1181-7879

Кафедра теологии иудаизма, библеистики и иудаики

Российского государственного гуманитарного университета

Россия, 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6

Тел.: +7(495) 250-64-70

E-mail: kaspina@mail.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2021.12

Аннотация: В статье разбирается отражение в устных рассказах и письменных агиографических сборниках фигуры Рыбницкого ребе Хаима Занв-ла Абрамовича (1896–1995) как юродивого. Сочетание двух процессов – сакрализация харизматического лидера и приверженность этого лидера какому-то нарочитому странному поведению – позволяют проводить определенные параллели между образом цадика в хасидизме и образом юродивого в христианской традиции. Фигура хасидского цадика амбивалентна, она сочетает в себе два мира, профанный и сакральный одновременно. Цадик понятен своим последователям и странен для непосвященных, что сближает его восприятие с отношением к нему как к юродивому среди тех, кто наблюдает его действия и поступки со стороны. В рассказах о Рыбницком ребе отчетливо прослеживаются две противоположных тенденции. С одной стороны, его обычаи посыпать голову пеплом, ежедневно совершать омовения, раздеваясь догола в любую погоду, и прочие не понятны для посторонних, не только для неевреев, но даже для евреев, уже успевших отойти от еврейской традиции или далеких от идей хасидизма. В таком случае его называют сумасшедшим, блаженным и т.п. С другой стороны, для преданных ребе

[□] Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина.

хасидов все его странные поступки наделены огромным религиозным смыслом, и лишь для того, чтобы спастись от властей, он вынужден прикидываться сумасшедшим. И в том, и в другом случае мы можем увидеть отчетливые параллели с представлениями о юродивых как о странных людях не от мира сего, которые вскрывают истинные болевые точки материального мира и помогают остальным людям своим духовным подвигом.

Ключевые слова: *хасидизм, еврейские обычаи, еврейская этнография, цадик, юродивый*

С появлением хасидизма в еврейской религиозной жизни важную роль стала занимать фигура цадика, духовного лидера общины. Последователи цадика считают, что он обладает уникальными особенностями и мистическими возможностями, он может выступать посредником между простым евреем и Всевышним. Цадик своими молитвами, благочестием и добрыми делами приобретает заслуги, которые позволяют ему благословлять простых хасидов, помогать им в том, чтобы донести до Бога их просьбы, а также эти заслуги дают праведнику возможность творить чудеса. С середины XIX в. в Восточной Европе появляются хасидские династии, где духовная власть и авторитет передаются потомкам действующего цадика. При жизни цадика хасиды регулярно совершают к нему паломничество и приносят денежное подношение – «выкуп души», которое призвано искупить грехи паломника и выкупить его душу, а также пишут записку («квитл»), в которой содержатся основные просьбы. Цадик взамен благословляет хасида и молится о нем перед Всевышним [см.: Biale, Assaf etc. 2017; Асаф, Сагив 2012 и др.]. Вокруг многих значимых хасидских лидеров складываются агиографические сборники рассказов о чудесах, совершенных самим цади́ком, а также о чудесах, произошедших на его могиле. Впервые в хасидской традиции эти сборники появляются в начале XIX в. Они продолжают активно издаваться и составляться вплоть до наших дней¹. Таким образом, фигура цадика в хасидизме сакрализуется не только при жизни, но и после смерти.

¹ См., например, сборники на иврите «Шивхей Бешт» («Восхваление Бешта», 1815), «Сипурей а-ран» («Рассказы о рабби Нахмане», 1815), «Шивхей а-ран» («Восхваление рабби Нахмана», 1816), «Цадик из Штефанешт» (2003), «Рассказы о чудесах Рыбникого ребе» (2018) и др.

Для достижения особого молитвенного настроя и усиления воздействия молитвы цадика часто прибегали к необычным и странным ритуальным практикам: совершали резкие произвольные телодвижения, громко выкрикивали молитвы, хлопали в ладоши, свистели, кувыркались, принимали странные позы и т.п. [см., например, Хундерт 2014, 222–224].

Сочетание сакрализации харизматического лидера и приверженности этого лидера какому-то нарочитому странному поведению наводят на мысль о некоторой параллели между образом цадика в хасидизме и юродивого в христианской традиции. Как определяет этот термин в византийских и древнерусских источниках Сергей Иванов, специалист по исследованию феномена юродства, «юродивым будет именоваться человек, который публично симулирует сумасшествие, прикидывается дураком или шокирует окружающих нарочитой разнузданностью. Но это определение необходимо еще сузить: разного рода экстравагантность может быть названа юродством лишь в том случае, если ее свидетели усматривают за ней не просто душевное здоровье или сугубую нравственность, а еще и некую особую мотивацию, отсылку к иной реальности» [Иванов 2005, 35].

Еще одной крайне важной характеристикой юродивого и цадика является их одновременное присутствие в двух мирах: с одной стороны – среди людей, которые их не всегда понимают, зачастую смеются над ними, и, с другой стороны, в реальности Божественной: «Юродивый – это тоже “дурак”. <...> Он живет в своем мире, который не является обычным смеховым миром. Впрочем, смеховой мир юродивому очень близок. Поступки-жесты и слова юродивого одновременно смешны и страшны – они вызывают страх своею таинственной, скрытой значительностью и тем, что юродивый, в отличие от окружающих его людей, видит и слышит что-то истинное, настоящее за пределами обычной видимости и слышимости. Юродивый видит и слышит то, о чем не знают другие. Мир антикультуры юродивого (т.е. мир “настоящей” культуры) возвращен к “реальности” – “реальности потустороннего”. Его мир двуплановый; для невежд – смешной, для понимающих – особо значительный» [Лихачев, Панченко 1976, 5–6]. Такое сочетание двух миров, профанного и сакрального, и вытекающая отсюда амбивалентность образа цадика, понятного своим и странного для непосвященных, сближает

восприятие цадика с отношением к нему как к юродивому среди тех, кто наблюдает его действия и поступки со стороны.

Сопоставление цадика и юродивого, хотя и поверхностно, предпринималось в исследовательской литературе, например при изучении поведения рабби Нахмана Браславского [см.: Mark 2009]. Натан Меир, говоря в целом обо всех маргиналиях в традиционном еврейском местечке, приходит к выводу, что до XVIII в. справедливо говорить об отсутствии аналогий между еврейскими сумасшедшими и христианскими блаженными, поскольку иудаизм ставил рационализм во главу угла. И если безумие имело неземную природу, оно воспринималось или как наказание, или как вмешательство демонических сил. Затем, с наступлением эпохи модерности, связь безумия с областью потустороннего стала ослабевать, и в иудаизме появился образ цадика, который своим сумасшествием укрепляет веру простых людей, поскольку способен воспринимать скрытое и невидимое [Meir 2020, 251–252]. Тем не менее скрытая за безумием праведность иногда окружала и образы почитаемых раввинов древности [см., например, Ковельман 2011]. С другой стороны, для маскилов, просвещенных евреев, которые стремились отстраниться от всего странного и несуразного, что олицетворял для них хасидизм, цадики были чудаками-юродивыми. Вот как описывает приезд цадика в Одессу автор заметки в еженедельном журнале «Рассвет»: «Что касается до “добротного еврея”² из Солхова, то он преспокойно сидит в ресторане, что на углу Еврейской и Покровского переулков, окутанный с головою в талес, и с самого утра почти до ночи молится, подпрыгивая, всплескивая руками и прищелкивая пальцами и языком точно юродивый»³.

Мне хотелось бы изучить возможности рассмотрения цадика как юродивого на примере одного из уникальных духовных лидеров хасидизма – Рыбницкого ребе Хаима Занвля Абрамовича (1896–1995). С 1941 по 1973 г. он проживал в городе Рыбница Молдавской ССР, где оказался во время Второй мировой войны в гетто. Он, не скрываясь, придерживался традиционного иудаизма в полном объеме, ежедневно по несколько раз совершал ритуальные омовения в реке,

² Добрый еврей (букв.: «гитер ид»), так называли цадики и чудотворцев в народной еврейской традиции.

³ Рассвет. 1880. № 26. 26 июня. С. 1017.

был шойхетом – резником кур и скота, собирал в различных домах людей на молитву и совершал обряд обрезания над новорожденными еврейскими мальчиками. Ребе был знаменит и за пределами городка, и к нему регулярно приезжали религиозные еврейские деятели из Москвы, Самарканда (Менахем-Мендель Футерфас), Львова (Мордехай Люксембург) и особенно часто из Закарпатья. С евреями Закарпатья из Ужгорода, Мукачева и других городов и деревень у Рыбницкого ребе сложились очень близкие отношения. Они часто приезжали к нему за советом, привозили ему недоступную в Рыбнице кошерную еду, помогали ему финансово. В Закарпатье сложилась немного другая ситуация с соблюдением иудаизма. Этот регион был присоединен к СССР только после Второй мировой войны, и там сохранились и долго оставались нетронутыми традиционные структуры существования еврейской общины. Работали производства кошерных продуктов, не сразу закрылись синагоги, было очень много открыто практикующих иудаизм евреев, игрались еврейские свадьбы и отмечались все праздники. Рыбницкий ребе регулярно приезжал в Закарпатье, проводил там Песах и Суккот. Закарпатские евреи относились к ребе как к классическому хасидскому цадику, оказывали ему соответствующие почести и, в конечном итоге, помогли ему выехать из СССР в Израиль, а потом и в США. Воспоминания закарпатских евреев во многом легли в основу агиографических сборников о Рыбницком ребе, которые издаются в Америке до сих пор [Грунер, Гельдцелер 1999; Каан 2016; Каан 2018 и др.]. Также туда вошли свидетельства выходцев из Рыбницы, живущих теперь в Америке и Израиле, и рассказы о ребе американских хасидов, которые знали его только в последние годы его жизни. Эти сборники, наряду с устными нарративами, записанными нами в экспедициях в Рыбницу⁴, будут для нас основными источниками для изучения восприятия ребе как юрродового.

Странное поведение ребе

Важно отметить, что для закарпатских евреев в поведении Рыбницкого ребе не было ничего странного или непонятного. Он вел

⁴ Экспедиции были организованы Центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» и Исследовательским центром «Еврейский музей и Центр толерантности» (2017–2019 гг.) в Рыбнице, Израиле и г. Монси (США).

себя так, как полагается хасидским цадикам: совершал регулярные омовения в реке, используя Днестр вместо ритуальной миквы, накладывал на себя ряд ограничений из-за обетов, данных в трудную минуту, соблюдал галахические постановления, принятые в хасидских общинах. Так, например, ребе постился от субботы до субботы, ночами молился, сидя на полу и посыпая голову пеплом в память о разрушении Храма⁵, не говорил ни с кем до молитвы⁶, не разговаривал с женщинами, не садился в одну телегу даже со своей женой, возвращался, если встречал женщину по дороге из миквы и т.п. В то же время эти же практики для ассимилированных советских евреев выглядели странно и нелепо. Про него говорили, что он ведет себя как сумасшедший. Так, в одном интервью из соседней с Рыбницей Каменки женщина рассказала о Рыбницком ребе, которого приглашали, если нужно было сделать обрезание:

Хаймл дер мешигенер⁷ говорили, потому что, если он шёл, если он встретил женщину, он возвращался домой. Тут говорили Хаймл дер мешигенер, это мешигенер, это дурной. Так между евреями было, а кто он, что он был, я его не знаю, я ни разу не видела, я не делала. Этих фокусов не знаю. Я его ни разу не видела (Kam_18_01_Slobodianskaia).

Его поведение поражало немногочисленную еврейскую общину Рыбницы своей экстравагантностью.

Но он был несчастный, потому что все его презирали, он был не такой, как все. Ходил в чёрной мантии, с бородой, для нас казался **странным** (Ryb_18_06_Kats).

Когда он окунался на Днестре, зимой это была прорубь, окунался он в костюме Адама, в чём мама родила, невзирая на зрителей, включая девочек, которые очень радовались этому, что дядя такой приходит **непонятный** (Mosk_019_01_Gerzhoy).

⁵ Практика, которую называют *Тикун Хацот* (букв.: «исправление полуночи»), когда молящийся своим поведением и молитвой занимается духовным «исправлением» мира (см.: Шульхан Арух, Орах Хаим 1:2–3, Мишна Брура, Орах Хаим 1:3).

⁶ *Таанит Дибур* (букв.: пост речи) – воздержание от пустых и будничных разговоров.

⁷ Мешигенер – сумасшедший (идиш).

Нагота святого – частый мотив житий о поведении юродивых, так их изображают на иконах, и часто этот мотив – основной отличительный признак блаженного человека. Особенно излюбленный мотив в житиях – нарочитая нагота юродивого поражает свидетелей, которые не ожидают от святого старца такого похабства. Как подчеркивает Иванов в своем исследовании, «нагота в такой холодной стране, как Русь, являлась символом не столько сексуальной провокативности, сколько добровольного мученичества» [Иванов 2005, 273]. Во многом этот мотив применим и к агиографическим рассказам о Рыбницком ребе.

Скрытый праведник

Даже религиозные хасиды, описывая визиты к ребе в Рыбницу в советские годы, упоминают о том, что местные евреи не понимают святость ребе и считают его ненормальным:

Один благочестивый еврей однажды приехал в город в России. Он спросил, где здесь можно остановиться у *эрлихер ид*⁸? Ему сказали, что здесь нет никаких *эрлихе идн*, только один благочестивый еврей живет на окраине города, но **он сумасшедший, вам с ним точно не нужно иметь дела**. – Неужели? – спросил еврей. А что он делает? – Он в мороз ходит к реке, рубит лед и купается (*бойдн зих*) – был ответ. – О! Я именно такого и ищу! – ответил еврей. Он пришел к дому на окраине города и увидел человека, сидящего за трехногим столом за чтением Торы. У него почти не было еды в доме, но то, что было, он предложил гостю. Это и был ребе, еще до того, как он стал известен [Каан 2016, 35–36].

Ребе в этом рассказе выступает в традиционной роли скрытого праведника, *ламед-вовника*, который сознательно не раскрывается миру как великий цадик, живет очень бедно и принижает свои заслуги. В еврейской традиции существует представление о том, что в каждом поколении есть тридцать шесть тайных праведников, заслугами которых держится мир. Уже в Вавилонском Талмуде (трактат Сангедрин, 97б) стих из Исаии: «блаженны все, уповающие на Него» (Ис 30:18), был истолкован как намек на тридцать шесть тай-

⁸ Букв.: «честный еврей» (идиш). Обычно используется в значении «праведный», «богобоязненный».

ных праведников, так как числовое значение букв ламед и вав, составляющих слово «Него», равно тридцати шести. Впоследствии в ашкеназской традиции появилось множество рассказов о бедняках и пьяницах, которые на самом деле и оказывались скрытыми праведниками, на которых держится мироздание.

Именно то, что Рыбницкий ребе в приведенном выше нарративе совершает благочестивые поступки, в любых условиях соблюдает законы миквы и делится последним кусочком хлеба с гостем, становится для приезжего маркером того, что пред ним настоящий *эрлихер ид* – праведный еврей. Именно по этим признакам и опознаёт его благочестивый еврей из этого рассказа, подчеркивая, что ребе еще не стал широко известен и даже для своих единоверцев казался сумасшедшим. Интересно отметить, что и в византийских житиях святых «тайные слуги Господа», скрытые до поры до времени праведники, часто воспринимаются как юродивые. Именно парадоксальность в поведении человека, несоответствие кажущейся внешней простоты и внутренней богатой духовной жизни создает предпосылки святости: «Сам же “тайный слуга” из человека, не подозревающего о собственной праведности, превращается в святого, тратящего огромные усилия на сокрытие своей очевидной для него самой святости, то есть в юродивого» [Иванов 2005, 61]. На мой взгляд, образ ламед-вовника из восточноевропейского еврейского фольклора во многом пересекается с образом юродивого, сознательно преуменьшающего свою подлинную значимость.

Ритуальное омовение / закалка

Если для приезжего гостя поведение ребе совершенно понятно и предсказуемо, для местных евреев смысл действий святого ребе недоступны. Они даже используют в идише другой глагол для обозначения ритуального омовения. Вместо *тойвн зих* ‘окупаться в микву’, они говорят *бойдн зих* ‘купаться’, нивелируя религиозный смысл этого действия.

Тем более в рассказах на русском языке сохраняется термин «купание», и крайне редко используется более подходящее слово «омовение».

Круглый год он купался в проруби. Каждый день. Идёт после купания, женщина перейдёт дорогу, он ещё купался. А потом перестал – перейдёт не перейдёт (Ryb_17_11_Rusakov).

Он из рук жены не брал ни один предмет – она должна была ставить [на землю], тогда он брал. Был чересчур верующий. <...> Если он купался, шёл домой, ему шла навстречу женщина, он возвращался и купался снова. Видел это сотни раз (Ryb_17_20_Zbrizher).

Некоторые советские евреи додумывали про себя, что таким образом ребе закалялся.

Хаим Завл ходил зимой купаться в проруби. Дети ходили за ним. А он прятался от них. **Он закалялся таким образом. Это было священное для него** (Ryb_018_012_Demichev).

Он зимой купался в проруби. **Моржом** наверно был, закалялся (Ryb_018_32_Shnaiderman).

Этот раввин уехал в Израиль, и он там открыл еврейскую синагогу в Израиле. Он **морж**, или как это называется, **в холодной воде зимой занимался, купался**. Это я знаю со слов моих родителей и вот этих рыбацких (Kam_17_02_Kladik).

Тем более для неевреев Рыбницы поведение ребе было странным и не объяснимым иначе как сумасшествием. Дети бросали в него камни, смеялись над ним. Взрослые считали его дурачком и даже иногда называли его «блаженным», используя термин, синонимичный «юродивому».

Был, ходил такой – зимой – в трусах, с бородой длинной, но чтобы он был лидер, я бы не сказал бы. [Почему?] Не знаю. Потому что он ходил в трусах зимой, борода такая белая. А то что он там типа «смотрящий» он не был. Так бы я знал бы. [Он по улицам в трусах ходил?] У него были шорты-трусы, типа, не понять то ли штаны, то ли трусы. То ли бриджи. И в майке. «Бриджи, майка и борода – и всё». <...> Про него говорили: «**Пошёл придурак**», говорят, знаешь, как у нас? Типа – пошёл придурак. Если бы он (ребё) был какая-то личность <...> я бы знал бы. А так – от всех отличался. [Про него говорили, что он придурак?] Ну типа этого, неадекватный какой-то, непонятный. [Дразнили его как-то?] Нет, не трогали ничего. **Блаженный и блаженный**, ладно (Ryb_018_39_Sokul'ski).

Мама мне рассказывала, потому что мама отсюда, к сожалению, сейчас... мы были маленькими детьми, когда мы видели, он переходит

дорогу во всем чёрном одеянии, мы его забрасывали камнями и **над ним смеялись**⁹, потому что для нас это было странно и непонятно. Сейчас уже с возрастом понимаешь, осознаёшь, это детские шалости, которые причиняли ему боль. <...> Она говорила, мы смеялись, тыкали пальцем, закидывали камнями, нам родители говорили, так нельзя, это некрасиво. **Тогда никто не думал, что это такой человек, он несёт чудо. Зачем он купался, это непонятно**, зачем воду переливал – тоже непонятно. Он впереди себя шёл, он поливал дорогу. Мыл дорогу, как говорила моя мама. Да, он мыл дорогу. Зачем он купался, не знаю. Я тоже никогда не задумывалась, когда разговаривала с мамой, ну, чудо и чудо. **В каждом городе, наверное, в каждой местности есть такой человек, которых многие не знают**. Мама не знала, как его звали. Она всегда говорила, что бегал мужчина во всем чёрном (Ryb_19_17_Shlaeva).

Любопытно, что у неевреев, даже далеких от христианской религии и терминологии, в языке, описывающем действия странного человека, которые им непонятны, тем не менее сохраняется отсылка к аналогичному странному поведению блаженных, чудотворцев, юродивых. В рассказах евреев о Хаиме Занвле практически не встречается такой типологизации или сравнения его с другими чудотворцами.

Речевое поведение ребе

Речь юродивого зачастую сбивчива и непонятна. Так, например, в исследовании о странном речевом поведении русских святых и блаженных Андрей Мороз отмечает: «Афористичность, ритмическая организация, рифма, подчеркнутая буквальность в отношении к действительности или, наоборот, закодированность произнесенной фразы суть характерные черты речи не только святых, но и других персонажей, понимаемых как потусторонние» [Мороз 2010, 110]. Деревенские чудаки и дурачки регулярно используют в речи непонятные звуки, жесты и т.п. [Березович, Леонтьева 2004]. И с Рыбницким ребе ситуация была очень похожа. Он воспринимался местным населением как необычный человек, который странно и непонятно изъясняется жестами и междометиями. Во-первых, как отмечают практически все информанты, ребе практически не говорил по-рус-

⁹ Подробнее о насмешках над ребе см. статью Натальи Киреевой (с. 212–222).

ски. Он хорошо знал румынский, идиш и древнееврейский. А молодые ассимилированные советские евреи в Рыбнице часто не понимали его, поскольку сами почти не говорили на идише, единственном общем языке с ребе. При этом все они отмечали, что с евреями старшего поколения ребе прекрасно находил общий язык, приходил в гости, дружил, приглашал на молитву. Во-вторых, из-за определенных аскетических практик ребе соблюдал особый вид поста — *таанит дибур*, ограничение говорения на все темы, не связанные с литургией. Поэтому при необходимости что-то произнести, ребе произносил междометия «но-но» или «ну-ну», и для многих это выглядело странно.

В одном из агиографических сборников о ребе есть целая подборка свидетельств об этой практике, и, поскольку составитель сборника подробно указывает, кто рассказал о том или ином событии из жизни Хаима Занвля, мы видим, что закарпатские евреи, согласно этому источнику, прекрасно отдают себе отчет в том, что происходит, а рыбницкие евреи не понимают намеков ребе:

Ребе не участвовал в светских речах, пока не закончит молитву или все молитвы в этот день. Однажды еврей приехал в Рыбницу, чтобы получить благословение Хаим Занвля. Он встретил его на пути к реке и вызвался проводить. Ребе намекнул ему, чтобы он рассказал ему обо всем по дороге, так как после омовения он не будет говорить (со слов Давида Баша, закарпатского еврея-очевидца).

Рассказывали, что Хаим Занвл всегда ходил к реке, опустив голову и взгляд вниз. При встрече с прохожими он поднимал голову и приветствовал их кивком головы. В основном это были неевреи, живущие по дороге, которые желали удостоиться приветствия Хаим Занвля, поскольку считали его святым человеком. Они стояли в стороне и не мешали ему, но знали, что, когда он пойдет от реки обратно, он не будет ни на кого смотреть (со слов жителей Рыбницы).

Когда Хаим Занвл возвращался, он не замечал, что происходит вокруг него, и люди разбегались в стороны, чтобы не мешать ребе. Во время службы, если ему что-нибудь было нужно, он намекал на это, произнося «ну-ну». Даже если окружающие не понимали, что он имеет в виду, продолжал намекать (со слов приближенных к ребе) [Грунер, Гельдцелер 1999, 82–83].

В то же время в американских рассказах о ребе есть несколько воспоминаний, в которых упоминается, что для того, чтобы не пре-

рывать начатый ритуал, ребе говорит «ну» вместо остальных слов, и это было однозначно понятно для остальных участников обряда. Так, например, во время обрезания, которое проводил ребе, уже находясь в Америке, в доме родителей ребенка не оказалось вина. Ребе предложили продолжить без этого, поскольку кровь не останавливалась, и ждать, пока принесут вино, было опасно для здоровья ребенка:

Ребе сказал: «ну-ну-ну», не желая отказываться от еврейского обычая. Побежали за вином, и через несколько минут ребе закончил обряд как положено. Потом он сказал отцу ребенка, что у того больше не будет ни капли крови. И так и было [Каан 2016, 182–183].

В свидетельствах о ребе, которые мы записали от выходцев из Рыбницы, напротив, усиливается эффект непонимания от таких коротких и несвязных междометий. Многие информанты принимали это за проявление скромности – ребе не разговаривал с женщинами, и поэтому они от него слышали только «ну»:

Я вам говорю, он с женщинами не разговаривал. Единственное, что я слышала, это, «**но, но**». Вот то я слышала, «**ну, ну**». Вот эти звуки он произносил. Больше я не слышала (Isr_19_01_Freydkiny).

Во многом такое непонимание религиозного контекста касалось и остальных ритуальных практик ребе. В полночь ребе вставал на молитву «тикун хацот», зажигал свечи, посыпал голову пеплом и плакал о разрушении Храма. Многие рыбничане интерпретировали пепел на его лице и одежде, черную от пепла подушку, лежащую в его комнате, как признак «неопрятности», отрешенности от всего земного, странных аскетических поступков.

Таким образом, для знакомых с хасидскими ритуальными практиками закарпатских и американских евреев поведение и речь ребе казались вполне легитимными и ожидаемыми, в то время как в глазах советских евреев и неевреев из Рыбницы по поведению и речи он приближался скорее к стереотипу юродивого или непонятного чудака.

Обращение к ребе

В воспоминаниях американских хасидов часто звучит тема ревности по поводу отношения ребе к своим рыбницким соседям –

евреям. Несмотря на то что закарпатские хасиды всегда воспринимали ребе как настоящего цадика, оказывали ему все возможные почести, помогли ему с выездом из СССР, сам ребе, судя по их свидетельствам, продолжал любить рыбацких советских евреев и относился к ним с удивительной теплотой. Хаим Занвл называл евреев из России своими детьми [Каан 2016, 197]. Его друг и последователь из Закарпатья, Ицхак Вольф Херман, как-то спросил ребе в Америке: «Почему ребе всегда так привечает русских простаков? У них же ничего нет?!», имея в виду, что у евреев из России совсем нет еврейства. Ребе ответил: «Если у них правда ничего нет, зачем они приходят ко мне? У них есть вера. За одну их веру нужно общаться с ними» [Каан 2016, 229].

Ребе принимал евреев из Рыбницы вне очереди, когда они приезжали к нему в Израиль или Америку. Он обязательно посещал все семейные праздники (бар-мицвы и свадьбы) тех евреев, которым он делал обрезание в Советском Союзе. И, несмотря на строгий этикет по отношению к тому, как можно называть цадика, разрешал советским евреям называть его просто по имени.

Обычно к имени цадика прибавляются уважительные титулы: ребе, адмор и т.п. В агиографических рассказах о Рыбницком ребе есть интересное воспоминание молодого хасида, Моше Цви Берковича, который позволил себе фамильярно спросить ребе о его учителе:

Однажды я спросил у ребе, как звали Штефанештского ребе – Мата-ти Авром или Авром Матати – и забыл добавить «ребе». Хаим Занвл бросил на меня резкий взгляд и дал тычок, сказав, что нельзя называть ребе просто по имени, без титула. Потом он извинился и объяснил, что не смог стерпеть, чтобы имя святого ребе кто-то произнес без титула [Каан 2016, 29].

Тем не менее в рассказах о рыбацких евреях авторы агиографических текстов постоянно подчеркивают, что те называют ребе непочтительно, просто по имени: «Р. Исраэль Давидович однажды был у ребе в Сегеде. Там был русский еврей, который воскликнул: “Ребе (на его языке «Хаим Занвл») – великий честный еврей (*эрихер ид*)”» [Каан 2016, 243–244].

И действительно, среди наших информантов мало кто называл рыбацкого цадика ребе. Скорее говорили о святом, уважаемом человеке, которого звали сложным двойным именем – Хаим Занвл.

Многие путались, называя его «Хамзанвл», «Хаим Занвиль», «Хаим Замбл» и т.п. По одному из свидетельств жителя Рыбницы, это наименование вообще не ассоциировалось у людей с именем, а означало особое положение в общине:

Хамзамвел мы его звали. Это просто как «священник», мне кажется [Титул такой?] Такой титул. Не имя (Ryb_018_012_Demichev).

Несмотря на то что ребе не мог слышать, как о его учителе хасиды говорят неуважительно, без правильных слов и положенного почтения, по отношению к себе от евреев Рыбницы он допускал даже казенное советское обращение «товарищ»:

Особенно выделялось это в прежние годы, когда он жил в городе Рыбница среди простецов и малообразованных людей. Несмотря на то, что они знали его величие, силу и способность молитвами творить чудеса за братьев-евреев, и любили его душой, не оказывали ему всех почестей, которых он заслуживал. И обращались к нему просто «товарищ» (*хавер*), так, что все жители города звали его по имени «Хаим Занвил», даже не прибавляя р. (ребе). И, несмотря на это, нравилось ребенку, что не отбирают у него славу и почет. И он по отношению к ним вел себя как верный «товарищ» и отвечал им [Грунер, Гельдцелер 1999, 149].

Из этих свидетельств можно заключить, что Рыбницкий ребе сознательно преуменьшал свою роль и позицию духовного лидера, вынужден был скрывать свое величие, накапливая таким образом внутреннюю силу. Принижая свое достоинство, позволяя рыбничанам называть себя просто по имени, он как будто прикладывает усилия, чтобы скрыть свою очевидную для него самую святость, то есть снова юродствует. Для христианских юродивых тоже было характерно некоторое сознательное принижение своей роли, «уничуждение паче гордости» – сознательная демонстрация презренного, обидного панибратства с простолюдинами, толерантное отношение к искажению настоящего имени святого, использование прозвищ и прочее [Иванов 2005, 35].

Сознательное притворство

Еще больший интерес для нашей темы представляют воспоминания о Хаиме Занвле, в которых он сам признается, что во время пре-

бывания в России он часто притворялся сумасшедшим, чтобы избежать ареста. Поскольку тема выживания в Советском Союзе хасидского цадика была очень актуальной среди евреев Америки, очевидно, Рыбницкого ребе часто спрашивали о том, как ему удалось спастись:

Однажды спросили ребе – как он вытерпел русских злодеев – ведь вот Скулянер ребе¹⁰ претерпел столько ударов и сидел в тюрьме. Ребе ответил – я делал все с мудростью. **У меня была маленькая торбочка, в которой я держал сидур, тфилин и маленькую Тору. И я выглядел как сумасшедший дурак, который крутится, и никто не знал, что я делаю** [Каан 2018, 54–55].

Таким образом, он сознательно провоцировал непонимание того, что он делает, не только среди местных евреев и неевреев, но и среди преследовавших его за приверженность к иудаизму представителей властей. «Торбочка» – именно такое слово в идише использует сам Хаим Занвл. Несколько раз рассказывает ребе своим американским хасидам, что он постоянно ходил с ней, и держал в ней священные предметы, инструменты для обрезания и золу для обряда *тикун хацот*. А сверху присыпал все овощами, чтобы все думали, что он обычный торговец:

Хаим Занвл рассказывал, что этот **мешок не раз оказывался спасительным для него в России**: когда он ехал в другой город в качестве мозля или шойхета, он с легкостью пересекал границу, ведь пограничники думали, что он едет торговать и что в мешке он везет свой товар: картошку и т.п. [Грунер, Гельдцелер 1999, 113].

И в качестве еще одной причины, почему его не арестовали в СССР, Хаим Занвл называл неких неизвестных покровителей в правительстве, которые благоволили к нему:

Однажды речь зашла о том, как Хаим Занглу удавалось спастись от «когтей НКВД» и от злодеев правительства, которые не отправили его в Сибирь и оставили жить, несмотря на все его чудеса. Ребе говорил, что

¹⁰ Скулянер ребе – Элиэйзер-Зисе Португал (1898–1982), друг Рыбницкого ребе, с которым они вместе учились в юности. Узник гетто в Трансильвании. После освобождения в 1945 г. уехал из СССР в Бухарест, где был в 1959 г. арестован за шпионаж в пользу США и Израиля. В 1960 г. после долгих просьб был выпущен в США. Видимо, для американских хасидов советская Румыния мало чем отличается от СССР и «русских злодеев», притесняющих религию.

у него были хорошие знакомые в правительстве, которые защищали его. Или говорили, **что его считали повредившимся умом** [Грунер, Гельдцелер 1999, 155–156].

Маскировка под торговца, а также сознательное притворство и изображение себя сумасшедшим оказывается надежным средством обмануть власти. Характерно, что во всех рассказах о Хаиме Занвле из наших экспедиционных записей нет ни одного упоминания об этой «торбочке», а все сравнения с сумасшедшим или блаженным чаще связаны с его ритуальным поведением, а не с внешними атрибутами.

В рассказах о Рыбницком ребе отчетливо прослеживаются две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, его обычаи посыпать голову пеплом, ежедневно совершать омовения, раздеваясь догола в любую погоду, и прочее не понятны для посторонних, не только для неевреев, но даже для евреев, уже успевших отойти от еврейской традиции или далеких от идей хасидизма. В таком случае его называют сумасшедшим, блаженным и т.п. С другой стороны, для преданных ребе хасидов все его странные поступки наделены огромным религиозным смыслом, и лишь для того, чтобы спастись от властей, он вынужден прикидываться сумасшедшим. И в том, и в другом случае мы можем увидеть отчетливые параллели с представлениями о юродивых как о странных людях не от мира сего, которые вскрывают истинные болевые точки материального мира и помогают остальным людям своим духовным подвигом. Кроме того, ряд типологических параллелей и общих мотивов, таких как тайная праведность, невнятная речь, неожиданная нагота, осознанное принижение своего статуса и прочее, позволяют говорить о возможности сближений между фигурой хасидского цадика и юродивого.

Информанты

Ryb_17_20_Zbrizher – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Збрижер Семен Исакович, 1934 г.р., г. Рыбница. Зап. в г. Рыбница, 2017. Соб. В. Дымшиц, А. Кушкова, Д. Рыговский.

Ryb_17_11_Rusakov – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Русаков Яков Наумович (Рувим Хаймович), 1939 г.р., г. Рыбница. Зап. в г. Рыбница, 2017. Соб. В. Дымшиц, В. Дамиян.

- Kam_17_02_Kladik – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Кладик Раиса Иосифовна, 1949 г.р., Каменка (Рыбницкий р-н). Зап. в г. Каменка, 2017. Соб. Н. Алуферова, С. Амосова.
- Kam_18_01_Slobodianskaia – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Слободянская Фаина Емельяновна, 1928 г.р., с. Загнитков, Кодымский район Одесской области. Зап. в г. Каменка, 2017. Соб. В. Дымшиц, М. Дятлова.
- Ryb_18_06_Kats – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Кац Рахиль Львовна 1936 г.р., г. Рыбница. Зап. в г. Рыбница, 2018. Соб. М. Каспина, И. Душакова, М. Дятлова.
- Mosk_019_01_Gerzhoy – Архив Исследовательского центра «Еврейский музей и Центр толерантности». Гержой Григорий (Эршель) Семенович, 1948 г.р., г. Рыбница. Зап. в г. Москва, 2019. Соб. С. Амосова, М. Гордон, М. Каспина.
- Isr_19_01_Freydkiny – Архив Исследовательского центра «Еврейский музей и Центр толерантности». Елизавета Ф., 1947 г.р. Зап. в Израиле, 2019. Соб. М. Каспина, С. Амосова.
- Ryb_018_012_Demichev – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Дёмичев Михаил Владимирович, 1943 г.р., род. в Киргизии, в эвакуации, с 1947 г. семья вернулась в г. Рыбницу. Зап. в г. Рыбница, 2018. Соб. А. Кушкова, Ю. Ковыршина.
- Ryb_018_32_Shnaiderman – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Шнайдерман Михаил Иосифович, 1940 г.р., г. Рыбница. Зап. в г. Рыбница, 2018 г. Соб. Д.-Б. Керлер, А. Ковтун.
- Ryb_018_39_Sokul'ski – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Сокульский Виталий Яковлевич, 1955 г.р., Ерзово (Рыбницкий р-н). Зап. в г. Рыбница, 2018. Соб. А. Кушкова.
- Ryb_19_17_Shlaeva – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» и полевой архив Исследовательского центра «Еврейский музей и Центр толерантности». Шлаева Ирина, 1981 г.р., г. Рыбница. Зап. в г. Рыбница, 2019 г. Соб. С. Амосова, М. Каспина.

Литература и источники

- Асаф, Сагив 2012 – *Асаф Д., Сагив Г.* Хасидизм в царской России: исторические и социальные аспекты // История еврейского народа в России. Т. 2: От разделов Польши до падения империи / Под ред. И. Лурье. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2012. С. 101–146.
- Иванов 2005 – *Иванов С.А.* Блаженные похабы. Культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.
- Березович, Леонтьева 2004 – *Березович Е.Л., Леонтьева Т.В.* Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 368–384.

- Грунер, Гельдцелер 1999 – *Грунер Д., Гельдцелер Д.* Книга законов жизни. Святой наш раввин из Рыбницы. Сборник историй и фактов, законов и обычаев р. Хаим Занвила Абрамовича [иврит]. Бруклин: Д. Грунер, 1999. 198 с.
- Каан 2016 – *Каан И.М.* История и служение рабби из Рыбницы [идиш]. Нью-Йорк: б.и., 2016. Ч. 1. 448 с.
- Каан 2018 – *Каан И.М.* История и служение рабби из Рыбницы [идиш]. Нью-Йорк: б.и., 2018. Ч. 2. 486 с.
- Ковельман 2011 – *Ковельман А.Б.* Раби Меир – плут и мессия // Мудрость, праведность, святость в славянской и еврейской традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М.: Институт славяноведения РАН, Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер», 2011. С. 9–17.
- Лихачев, Панченко 1976 – *Лихачев Д.С., Панченко А.М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.
- Мороз 2010 – *Мороз А.Б.* Речь святых в легендах // Русская речь. 2010. № 5. С. 106–110.
- Хундерт 2014 – *Хундерт Г.Д.* Евреи в Польско-Литовском государстве в XVIII веке: генеалогия Нового времени / Пер. с англ. Ю. Табака. М.: Книжники, 2014. 320 с.
- Biale, Assaf etc. 2017 – *Biale D., Assaf D., Brown B., Gellman U., Heilman S., Rosman M., Sagiv G. and Wodziński M.* Hasidism: A New History. Princeton: Princeton University Press, 2017. 896 p.
- Meir 2020 – *Meir N.M.* Stepchildren of the Shtetl: The Destitute, Disabled, and Mad of Jewish Eastern Europe. 1800–1939. Stanford: Stanford University Press, 2020. 360 p.
- Mark 2009 – *Mark Z.* Mysticism and Madness: The Religious Thought of Rabbi Nachman of Bratslav. London; New York: Continuum, 2009. 306 p.

Can a Hasidic Tzaddik be called a Holy Fool? (Perception of the Rybnitser Rebbe in the USSR)

Maria Kaspina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

PhD in Philology Sciences, Associate Professor

ORCID: 0000-0003-1181-7879

The Center for the Biblical and Jewish Studies of Russian State University
for the Humanities, Department of Theology of Judaism

Miuskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia

Tel.: +7(495) 250-64-70

E-mail: kaspina@mail.ru

Summary: The article examines the reflection in oral stories and written hagiographic collections of the image of Rybnitser rebbe, Chaim Zaslav Abramovich (1896–1995) as a holy fool – a person who does not conform to social norms of behavior regarded as having a compensating divine blessing or inspiration. The combination of two characteristics – the canonization of the charismatic leader, and the adherence of this leader to some kind of deliberate strange behavior make it possible to draw certain parallels between the image of the tzaddik in Hasidism and the holy fool in the Christian tradition. The image of the Hasidic tzaddik is ambivalent; he combines two worlds, profane and sacred at the same time. He is understandable to his followers and strange to the uninitiated, which brings his perception closer to the attitude towards him as a holy fool among those who observe his actions and deeds from the outside. In the stories about the Rybnitser Rebbe, two opposite tendencies can be clearly traced. On the one hand, his customs such as to sprinkle ashes on his head, to immerse ritually daily, stripping naked in any weather, and so on are not understandable for outsiders, not only for non-Jews, but even for Jews who have already managed to move away from the Jewish tradition or are far from the ideas of Hasidism. In this case, he is called crazy, blissful, etc. On the other hand, for the devoted Hasids of the rebbe, all his strange actions are endowed with a huge religious meaning, and only in order to escape from the authorities, he is forced to pretend to be crazy. In both cases, we can see clear parallels between the figure of tzaddiks and the image of holy fools as strange people out of this world who reveal the true pain points of the material world and help other people with their spiritual exploits.

Keywords: *Hasidism, Jewish ethnography, tsaddik, holy fool*

References

- Biale, D., D. Assaf, B. Brown, U. Gellman, S. Heilman, M. Rosman, G. Sagiv, and M. Wodziński, 2017, *Hasidism: A New History*. Princeton, Princeton University Press, 896.
- Meir, M., 2020, *Stepchildren of the Shtetl: The Destitute, Disabled, and Mad of Jewish Eastern Europe, 1800–1939*. Stanford, Stanford University Press, 360.
- Mark, Z., 2009, *Mysticism and Madness: The Religious Thought of Rabbi Nachman of Bratslav*. London; New York, Continuum, 306.
- Ivanov, S., 2005. *Blazhennyye pokhaby. Kul'turnaia istoriia iurodstva* [Blessed obscenity. Cultural history of holy fools]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, 448.
- Asaf, D., and G. Sagiv, 2012, *Khasidizm v tsarskoi Rossii: istoricheskie i sotsial'nye aspekty* [Chassidism in Tsarist Russia, historical and social issues]. *Istoriia evreiskogo naroda v Rossii. Ot razdelov Pol'shi do padeniia imperii*, ed. I. Lur'e, vol. 2, 101–146. Moscow, Mosty kul'tury, Ierusalim, Gesheirim, 534.

- Berezovich, E., and T. Leonteva, 2004, Iazykovoï obraz duraka: etnolingvističeskii aspect [Image of fool in the language]. *Iazyk kul'tury: semantika i grammatika. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996)*, ed. S. Tolstaia, 368–384. Moscow, Indrik, 496.
- Kovelman, A., 2011, Rabi Meir – plut i messiia [Rabbi Meir – trickster and Messiah]. *Mudrost', pravednost', sviatost' v slavianskoi i evreiskoi traditsii*, ed. O. Belova, 9–17. Moscow, Tsentr nauchnykh rabotnikov i prepodavatelei iudaiki v vuzakh “Sefer”, Institut slavianovedeniia RAN, 344.
- Lihkachev, D., and A. Panchenko, 1976, *Smekhovoï mir Drevnei Rusi* [The laughing world of Ancient Russia]. Leningrad, Nauka, 204.
- Moroz, A., 2010, Rech' sviatykh v legendakh [Speech of the saints in legends]. *Russkaia rech'*, 5, 106–110.